

«В крепких руках правительства»: письма И. П. Корнилова и А. Д. Столыпина о преобразовании Виленского музея древностей*

А. Э. Котов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Котов А. Э. 2019. «В крепких руках правительства»: письма И. П. Корнилова и А. Д. Столыпина о преобразовании Виленского музея древностей. *Вопросы музеологии*, 10 (2), 263–282. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.213>

Публикуемые письма и записки руководителей Комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей И. П. Корнилова и А. Д. Столыпина к М. Н. Муравьеву, а также прилагаемые к ним копии служебных записок Корнилова к К. П. Кауфману являются ценным источником по истории имперской политики памяти на западных окраинах России. Экспозиция созданного в 1855 г. графом Е. П. Тышкевичем музея отражала представления о местной истории, свойственные полонизированной виленской интеллигенции, и до определенного момента не противоречила представлениям центральной российской власти. На первом плане в ней были представлены памятники польской истории и культуры, а свидетельства присутствия в крае «русского элемента» практически отсутствовали. Последовавший вслед за польским восстанием 1863 г. общественный подъем привел в Вильну деятелей «старой русской партии», в чьих воззрениях националистические элементы переплетались с демократическими и антисловными. Типичным представителем этого «русского направления» был приглашенный М. Н. Муравьевым на должность попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилов. Под его руководством специально созданная комиссия приступила к «преобразованию» экспозиции. Эту задачу во многом облегчала организационная и научная слабость прежней администрации музея. Однако своей главной целью Корнилов и сменивший его на должности председателя комиссии А. Д. Столыпин считали восстановление погрязших «польским владычеством» «русских начал». Одним из способов достижения этой цели им виделось удаление наиболее «демонстративных» польских экспонатов, часть из которых предполагалось вернуть после того, как экспозиция утратит свою «национальную исключительность».

Ключевые слова: Литва, Белоруссия, консерватизм, национализм, политика памяти, Виленский музей древностей, М. Н. Муравьев, А. Д. Столыпин, И. П. Корнилов.

История Виленского музея древностей (ныне Национального музея Литвы) не раз и не случайно привлекала к себе внимание исследователей¹. Наиболее яркий ее

* Исследование выполнено в рамках гранта №19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

¹ Мизернюк, 2004. С. 146–163.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

эпизод относится к весне 1865 г., когда после окончательного подавления шляхетского мятежа созданная по распоряжению М. Н. Муравьева комиссия приступила к реорганизации музея. По замечанию А. Н. Пыпина, «в этой довольно странной истории характерно отразилось двойственное состояние края, причем “преобразование” не разрешило исторической и этнографической двойственности»².

Утверждение Николаем I в 1855 г. «Положения о Музее древностей и Временной археологической комиссии» свидетельствовало об уверенности Петербурга в лояльности основателя музея графа Е. П. Тышкевича (1814–1873). Искренность «примиренческих» надежд последнего признавали и самые радикальные русские оппоненты, а косвенно подтверждали и «рьяные польские патриоты», видевшие в нем «изменника общему делу»³. Однако созданное графом учреждение не могло оставаться в стороне от настроений местной интеллигенции. Даже по свидетельству вполне сочувствовавшего Тышкевичу и его сотрудникам Н. И. Костомарова, «в музее... все было направлено к тому, чтобы удалить воспоминание о господствовавшем некогда русском элементе края и утвердить всеобщее мнение, что он искони был польским и не должен быть иным»⁴. В изданиях же «русского направления» неоднократно перепечатывалась устрашающе-колоритная иллюстрация царивших в музее нравов: «Путеводитель музея, старичок Якубович, показывая детям коллекции, спрашивал: — “А чій то, душко, портрет?” — То Стефан Баторий. — “Добже, дзецко, добже, то наш Стефан; а чим знакмитый был тен круль Стефан?” — Москалей бил, дзядуню. — “Сличне (отлично), дзецке, сличне, о то маш, душко, цукерек” (вот получи, душко, конфетку)»⁵. Тенденциозность музейных экспозиций виделась современникам и «в размещении предметов, в предпочтении, отдаваемом памятникам польско-королевским, шляхетским, латино-польским, польско-революционным, французским, — пред русскими, православными, народными»⁶.

Трудно не согласиться с А. Н. Пыпиным, утверждавшим, что «точка зрения, руководившая основателем Виленского музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это был привычный взгляд интеллигенции западного края, в то время не только не оспоренный с русской стороны, но признаваемый»⁷. Деятельность как музея, так и действовавшей при нем Археологической комиссии с самого начала была поставлена под всеобъемлющий контроль местной власти⁸, и ответственность за то направление, которая эта деятельность приняла, во многом лежит на «домуравьевской» администрации Северо-Западного края.

Назначение в Вильну М. Н. Муравьева было связано с переменой настроений и в русском обществе, и в верховной власти. «Виленский консенсус», как до него крестьянская реформа, а после движение в поддержку южных славян, объединил самые разные общественные направления и литературные лагеря в так называе-

² Пыпин, 1892. С. 113.

³ Костомаров, 1989. С. 580.

⁴ Там же. С. 582

⁵ Городецкий, 1886. С. 606.

⁶ О преобразовании музея древностей в Вильне, 1865/1866. С. 98.

⁷ Пыпин, 1892. С. 115.

⁸ Смирнов А. С. 2012. *Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века)*. Дис. ... д-ра ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 115.

мую «старую русскую партию», своеобразным манифестом которой стала опубликованная М. Н. Катковым поэма Б. Н. Алмазова:

Пылая дружбой к слабым ляхам,
Враги России с должным страхом
На силы русские глядят
И с беспокойством говорят,
Как о неведомой стихии,
Иль темной силе роковой,
Иль лютой язве моровой,
О старой партии в России.
Они толкуют, что она,
Людьми отсталыми полна,
Погрязла в старые начала,
Дерзка, упряма — но сильна
Союзом с чернью одичалой...

В общественном подъеме 1863 г. действительно переплетались националистические и демократические тенденции. Мятая польская шляхта предстала в этой оптике союзником петербургской бюрократии и «консервативно-аристократической партии»; милютинский же триумvirат в Варшаве и администрация Муравьева в Вильне — тружениками освободительных реформ, преодолевшими сопротивление косной среды. Русско-польское противостояние на западных окраинах империи, таким образом, приобретало характер гражданского, а не национального.

Типичным представителем «русской партии» был приглашенный М. Н. Муравьевым на должность попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилов⁹. Являясь одним из многих прибывших в Вильну «облаченных в чиновничий мундир» «людей умственного труда»¹⁰, Иван Петрович ревностно приступил к реализации в Северо-Западном крае своих убеждений, вынесенных из московских славянофильских салонов. «Свойственная нашей славянской природе демократия, всегда преданная самодержавию»¹¹, противопоставлялась им антинародному и архаическому польскому аристократизму, превращавшему западные имперские окраины в «своего рода Кавказ нравственный»¹². Поэтому суть своей деятельности попечитель излагал следующим образом: «Виленский учебный округ, составленный из русских людей, ведет, конечно, в духовной сфере решительную, открытую, наступательную борьбу против всего того, что враждебно России; он поднимает нравственно здешний русский народ; во всем крае громко и смело раздается теперь русская речь, русская песня и расходится русская книга. Белоруссы мало-помалу перестают быть быдлом, работающим безответно на пана... Русский язык и русская вера перестают называться хлопскими; русского языка не стыдятся, как прежде, а польским не щеголяют; полонизм, осаждаемый отовсюду пробуждающимися нравственными силами, видимо ослабевает <...> Русское образование сильнее русского штыка»¹³.

⁹ Котов, 2018. С. 46–59.

¹⁰ Комзолова, 2004. С. 117–141.

¹¹ Российский государственный исторический архив, ф. 970, ед. хр. 150, л. 1.

¹² Корнилов, 1908. С. 137.

¹³ Корнилов, 1908. С. 281.

Преобразование Виленского музея древностей стало частью этой политики. 3 марта 1865 г. под председательством Корнилова начала свою работу «Комиссия для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей». В нее вошел с правом голоса и сам Тышкевич, однако голос этот должен был противостоять голосам как самого председателя, так и генерал-майора А. Д. Столыпина (отца будущего премьер-министра), а также сотрудников Корнилова, в том числе филологов в мундирах — П. А. Бессонова и А. В. Рачинского. Данное комиссии поручение М. Н. Муравьева в целом воспроизводило публикуемые ниже письма Корнилова и сводилось к задаче «сообщить виленскому музею надлежащий ему характер, соответственный назначению быть собранием и хранилищем предметов, напоминающих о русской народности, православии, искони господствующих в здешнем крае, и содействовать к вящему скреплению уз, соединяющих литовские губернии с Россией»¹⁴.

Идеологическую чистку музея во многом облегчало то, что несомненная даже для симпатизирующих Тышкевичу современных исследователей тенденциозность прежней экспозиции¹⁵ сочеталась с ее научной слабостью. Корниловская комиссия ставила администрации в вину не только преднамеренное «сокрытие» русскоязычных памятников (в том числе первопечатного Литовского статута) и «отвороченный назад» русский текст двуязычных грамот, но неполный и небрежно составленный каталог музея и библиотеки, а также наличие заведомо поддельных экспонатов¹⁶. Схожим образом обстояло дело и с работой подчиненной Тышкевичу Археологической комиссии: немногочисленность ее публикаций могла быть объяснена обстоятельствами времени — предшествовавшими мятежу 1863 г. беспорядками и военным положением, однако односторонний характер данных изданий давал Корнилову моральное право игнорировать это оправдание.

Дабы ответить на обвинения зарубежных и некоторых российских газет в «варварском разгроме» музея, Иван Петрович обратился за содействием к единомысленным публицистам, прежде всего к М. Н. Каткову¹⁷. С этой же целью протоколы заседаний комиссии были опубликованы на страницах журнала К. А. Говорского «Вестник Западной России».

Удаление из экспозиции «демонстративных» польских предметов было наиболее увлекательной и в то же время спорной частью работы комиссии. Так, в числе прочих был «определен к вынесению» «столовой ковер с гербами Полубинских; ...вынести определили ковер по той причине, что он напоминает совращение и ополячение русского дома, который принял герб от польских королей»¹⁸. Основатель музея, сам принадлежавший к подобному ополяченному русскому дому, тщетно пытался отделаться второстепенными экспонатами. Переход должности председателя к А. Д. Столыпину дал графу последнюю надежду на пересмотр политики комиссии. 10 марта 1865 г. Аркадию Дмитриевичу была подана записка Тышкевича, в которой последний заявлял «свое мнение, не в виде протеста или официального

¹⁴ Дневник заседаний Комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей, 1865. С. 3.

¹⁵ Мизернюк, 2004. С. 152.

¹⁶ Дневник заседаний Комиссии... С. VI.

¹⁷ Котов, 2016. С. 24–31.

¹⁸ Дневник заседаний Комиссии... С. 9.

особого мнения, но собственно как выражение своих убеждений по предметам, имеющим непосредственное соотношение с занятиями комиссии». Граф заявлял: «Основывая музей в Вильне, я имел в виду древности и памятники не польские, но местные, т. е. литовско-русские. Под словом виленский музей я разумел и разумю собрание предметов, кои бы, как в зеркале, верно отражали жизнь и деяния литовско-русского народа во всех эпохах его исторического существования. Не думая и не заботясь о том, чтобы собираемые предметы представляли только светлые моменты из истории и деяний моих предков, или, чтобы изображения их непременно были прекрасны, я желал только, чтобы они были похожи, и служили точными снимками с прошедшего, на непреложных началах истории»¹⁹.

Подчеркивая свою лояльность верховной власти, Тышкевич предполагал следовать ее приказам в рамках своей интерпретации местной истории: «На основании предписания г. главного начальника края, комиссия обязана была исключить предметы напоминающие временное владычество Польши и относящиеся к польской истории. — Известно, что до 1569 г. здешний край сохранил полнейшую политическую самостоятельность. Федеративного союза с Польшею ни один историк не назовет владычеством. Известно, что поляки не только не могли здесь приобретать собственности, но даже занимать служебные должности. Литовско-русское дворянство строго за этим наблюдало и свято сохраняло права свои. В 1795 г., по третьему разделу Польши, губернии эти возвращены России. Следовательно, по буквальному смыслу предписания, к исключению подлежат только те предметы, кои относятся к эпохе с 1569 по 1795 год, и только такие, которые в непосредственной связи с польским владычеством или польскою историею». Заклучалась записка «покорнейшей просьбой о новом подробном рассмотрении назначенных уже комиссиею к исключению предметов»²⁰.

Однако, по мнению нового председателя, прежние решения комиссии были приняты в рамках строгого научного объективизма, протест же Тышкевича носил исключительно политический характер. «От этого заключения, — продолжал Столыпин, — пять членов [комиссии] могли бы придти Бог знает к какому выводу о том члене, который преднамеренно от них отделяется, если бы им не была известна несомненная его преданность правительству; но эти пять членов встречали, и здесь на западе России, чаще, чем на востоке ея, людей преданных правительству, но полагающих, что дело правительственное можно отделять от дела русского... Я полагаю, что граф, посвятивший всю жизнь свою науке общей, не хорошо уяснил себе в этой науке — в чем состоит дело русское, нераздельное с делом правительственным. Поэтому я долгом считаю объяснить его сиятельству, что дело русское, чтобы оно не шло в разлад с делом правительственным, должно между прочим состоять в уразумении духа правительственных распоряжений, а не в адвокатской придирке к букве оных»²¹.

К числу подобных «адвокатских придинок» Аркадий Дмитриевич относил и попытку «считать период польского гнета в здешней стране лишь от 1569 до 1795 г., объяснять почему, — было бы не уместно: мы все здесь не школьники,

¹⁹ Дневник заседаний Комиссии... С. 49

²⁰ Там же. С. 50, 53.

²¹ Там же. С. 55.

и хорошо знаем местную историю»²². При этом генерал-майор подчеркивал: «Смысл предложения главного начальника края состоит не в уничтожении памятников какого бы то ни было периода из истории западного края России, чего сделать нельзя, — а в отнятии у музея всякого демонстративного и тенденциозного характера. Вникая в этот смысл, нельзя не придти к заключению, что предметы музея, принадлежащие к периоду от 1377 до 1569 года подлежат более тщательному разбору комиссии, чем те, которые относятся к периоду от 1569 до 1795 год, потому, что в этом последнем периоде никто из русских ученых, равно как и польских, не думает оспаривать польского владычества, которого нельзя вычеркнуть из истории, тогда как в предшествующем периоде польские историки хотят видеть в самостоятельности Литвы — преобладание польщины, а русские — элементов чисто русских. Следовательно, тут-то и следует нам восстановить историческую истину, тем более, что в виленском музее предметы были подобраны в видах поддержания взгляда польских историков преимущественно на счет этого спорного периода»²³.

Переходя к польским памятникам «федеративного» периода, Аркадий Дмитриевич отмечал: «Разумеется, эти предметы, отдельно взятые, не имеют никакого значения; — скажу более: если около черепа и шапки Бекеша лежали бы какие-нибудь предметы, принадлежавшие хотя бы похороненному здесь князю Репнину; если бы рядом с портретом Сапеги висел и портрет Острожского; с портретом автора Codex Diplomaticus — портрет Сперанского; с Нарбутом — Коялович, с Жилинским высокопреосвященный Семашко; если бы даже Ядвига красовалась на почетном месте, но рядом с нею и княгиня Елена Иоанновна; наконец, если бы в музее сохранилось изображение всех литовско-русских магнатов, принявших польскую национальность, но там же и лики тех князей и бояр, которые подписали протест против унии: то и тогда бы мысль о преобразовании виленского музея не возродилась в уме главного начальника края». Наконец, генерал-майор вновь повторял неоднократно звучавший на заседаниях комиссии тезис о намерении новой администрации: «те из них, которые прежде, в преднамеренной обстановке, получили демонстративное значение и колорит антирусский, по уничтожении сей обстановки, возвратить в музей, где они составили бы литовско-русский отдел в истинном смысле»²⁴.

Граф Тышкевич оказался в крайне сложном положении. Несомненно оскорбленный столыпинскими намеками, он подвергался постоянной «прессии» с другой стороны — со стороны польского общества, обвинявшего его «в продаже шляхетских коллекций за камер-юнкерский фрак»²⁵. После ответа председателя комиссии ему не оставалось ничего иного, кроме выхода из ее состава. Как следствие, итоговый доклад Столыпина завершался этюдом исторического оптимизма: «Законченная одна половина дела вызывает другую; замещение пробелов музея и пополнение их всем русским, местным, и в то же время общерусским. Если уже в прежнем виде своем музей служил важным органом пропаганды, действуя путями лжи и неправды, то тем более он будет важным органом, служа прямой истине русского

²² Дневник заседаний Комиссии... С. 56.

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же. С. 57–58.

²⁵ Городецкий, 1886. С. 610.

дела. Это будет школа наглядного воспитания для здешнего духовенства в памятниках церковной православной археологии; для ученых, в специальных исторических документах; для общества в том, что его должно сблизать с Россией; даже для простого народа в предметах сельского хозяйства и этнографии. Избавившись от всяких частных влияний, этот орган общественной силы края в крепких руках правительства будет одним из самых сильных орудий»²⁶.

Упраздненную Виленскую временную археологическую комиссию Тышкевича сменила Виленская археографическая комиссия, ранее созданная Корниловым по образцу аналогичной Киевской комиссии М. В. Юзефовича²⁷. Открывшаяся в 1867 г. Виленская публичная библиотека, при которой теперь функционировал Музей древностей, стала крупным культурным центром и «цитаделью русской культуры в крае»²⁸. Сделавшие же свое дело «русификаторы» теперь могли уходить: назначенный в 1868 г. Виленским генерал-губернатором выходец из III отделения А. Л. Потапов с глубоким скепсисом относился к любым «общественным силам» и постарался очистить свои владения от слишком идейных администраторов-«кауфманистов».

Публикуемые письма попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова и одно письмо А. Д. Столыпина относятся к весне 1865 г., времени работы Комиссии для преобразования Виленского музея, и заключают в себе программу ее работы. Они адресованы М. Н. Муравьеву, в конце марта оставившему генерал-губернаторский пост, но продолжавшему следить за ситуацией в Северо-Западном крае. К этим письмам И. П. Корнилов прилагал и копии своих служебных «отношений» К. П. фон Кауфману, преемнику графа Михаила Николаевича. Оригиналы хранятся в Литовском государственном историческом архиве (ф. 439, Музей М. Н. Муравьева, оп. 1, ед. хр. 69). Из публикации исключена лишь одна записка, касающаяся вопросов перевода на русский язык преподавания в католических учебных заведениях.

Литература

- Брачев В. С. 1987. Киевская археографическая комиссия (1843–1917). *Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2.* 9: 78–79.
- Городецкий М. 1886. Виленский музей древностей. По поводу тридцатилетней годовщины его существования (1856–1886). *Исторический вестник* 9: 601–610.
- Дневник заседаний Комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей. 1865. *Вестник Западной России.* Отдел I. 4: I–74.
- Комзолова А. А. 2004. «Положение хуже севастопольского»: Русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. *Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII в. — XX в.* М.: [Б. и.]: 117–141.
- Корнилов И. П. 1908. *Русское дело в Северо-Западном крае.* Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб.: Тип. Суворина.
- Костомаров Н. И. 1989. *Исторические произведения. Автобиография.* Киев: Изд-во Киевского университета.

²⁶ Дневник заседаний Комиссии... С. 65.

²⁷ Брачев, 1987. С. 78–79.

²⁸ Миловидов, 1911. С. 18.

- Котов А. Э. 2016. «Арсенал нравственных орудий»: музейная тема в публицистике М. Н. Каткова. *Вопросы музеологии* 1: 24–31.
- Котов А. Э. 2018. «Нравственный Кавказ» И. П. Корнилова. *Российская история* 5: 46–59. DOI 10.31857/S086956870001574-9
- Мизернюк Н. 2004. К истории Виленского Музея древностей. *Славянский альманах*: 146–163.
- Миловидов А. И. 1911. Из истории Виленской публичной библиотеки. Вильна: Русский почин.
- О преобразовании музея древностей в Вильне. 1865/1866. *Вестник Западной России*. Отдел IV. 1: 97–103.
- Пыпин А. Н. 1892. *История русской этнографии. Т. IV: Белоруссия и Сибирь*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

Статья поступила в редакцию 7 августа 2019 г.;
рекомендована в печать 30 сентября 2019 г.

Контактная информация:

Котов Александр Эдуардович — д-р ист. наук; a.kotov@spbu.ru

“In the strong hands of the government”: Letters from I. P. Kornilov and A. D. Stolypin about the transformation of the Vilno Museum of Antiquities*

A. E. Kotov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kotov A. E. 2019. “In the strong hands of the government”: Letters from I. P. Kornilov and A. D. Stolypin about the transformation of the Vilno Museum of Antiquities. *The Issues of Museology*, 10 (2). 263–282. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.213>

Published letters and notes of the heads of the “Commission for reviewing and informing and proper order of objects in the Vilno Museum of Antiquities” by I. P. Kornilov and A. D. Stolypin to M. N. Muravyov, as well as copies of official notes attached to them by Kornilov to K. P. Kaufman (LVIA, fund 439, unit 69) are a valuable source on the history of the imperial memory policy in the western outskirts of Russia. The exposition of the museum, created in 1855 by Count E. P. Tyshkevich, reflected the understanding of local history of the Polonized Vilna intelligentsia, and up to a certain point did not contradict the ideas of the central Russian authorities. In the foreground there were monuments of Polish history and culture presented, evidence of the presence of the “Russian element” was practically absent. Following the Polish uprising of 1863, a public upswing brought leaders of the “old Russian party” to Vilna, whose views contained nationalistic elements intertwined with democratic. M. N. Muravyov invited a typical representative of this “Russian direction” to the post of trustee of the Vilno educational district- I. P. Kornilov. Under his leadership, a specially created commission proceeded to “transform” the exposition. This task was greatly facilitated by the organizational and scientific deficiency of the previous administration of the museum. However, Kornilov and A. D. Stolypin, who replaced him in the position of Commission Chairman, considered their main goal to be the restoration of the “Russian principles” violated by the “Polish rule.” As one of the ways to achieve this goal, they saw the removal of the most “demonstrative” Polish exhibits, some of which were supposed to be returned after the exposition loses its “national exclusiveness.”

Keywords: Lithuania, Belarus, conservatism, nationalism, politics of memory, Vilno Museum of Antiquities, Muraviev, Stolypin, Kornilov.

* This research was supported by the grant No. 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

References

- Brachev V.S. 1987. Kiev Archeographical Commission (1843–1917). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2*: 78–79. (In Russian)
- Gorodetsky M. 1886. Vilno Museum of Antiquities. On the occasion of the thirty-year anniversary of its existence (1856–1886). *Istoricheskii vestnik* 9: 601–610. (In Russian)
- Diary of meetings of the Commission for reviewing and informing and proper order of objects in the Vilnius Museum of Antiquities. 1865. *Vestnik Zapadnoi Rossii. Otdel I. 4*: 1–74. (In Russian)
- Komzolova A. A. 2004. “The situation is worse than the Sevastopol one”: Russian intellectual official in the North-Western Territory in the 1860s. *Rossiiia i Baltiia. Ostzeiskie gubernii i Severo-Zapadni krai v politike reform Rossiiskoi imperii. Vtoraia polovina XVIII v. — XX v.* Moscow: 117–141. (In Russian)
- Kornilov I. P. 1908. *Russian business in the North-Western region. Materialy dlia istorii Vilenskogo uchebnogo okruga preimushhestvenno v murav'evskuiu epohu. Vyp. 1.* St. Petersburg: Tipografia Suvorina Publ. (In Russian)
- Kostomarov N. I. 1989. *Historical works. Autobiography.* Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Kotov A. E. 2016. “Arsenal of Moral Instruments”: museum theme in the journalism of M. N. Katkov. *Voprosy muzeologii* 1 (13): 24–31. (In Russian)
- Kotov A. E. 2018. The Moral Caucasus of I. P. Kornilov. *Rossiiskaia istoriia* 5: 46–59. DOI: 10.31857/S086956870001574-9. (In Russian)
- Mizernyuk N. 2004. On the history of the Vilnius Museum of Antiquities. *Slavianskii al'manakh*: 146–163. (In Russian)
- Milovidov A. I. 1911. *From the history of the Vilna Public Library.* Vil'na: Russkii pochin Publ. (In Russian)
- On the transformation of the Museum of Antiquities in Vilna. 1865/1866. *Bulletin of Western Russia. Division IV* 1: 97–103. (In Russian)
- Pypin A. N. 1892. *History of Russian Ethnography. Vol. IV: Belarus and Siberia.* St. Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)

Received: August 7, 2019

Accepted: August 30, 2019

Author's information:

Aleksandr E. Kotov — Dr. in History; a.kotov@spbu.ru

№ 1. Записка о переводе из Вильны археологической комиссии музея 16-го марта 1865 года

При внимательном обозрении предметов, хранящихся в Виленском музее, оказывается, что археологический его отдел может быть подразделен на следующие части.

1. Период языческий, вещи, вырытые из курганов.
2. Вещи, относящиеся к польско-католическому периоду здешнего края. Сюда относятся предметы из костелов и гробниц, гербы, оружие и портреты русско-литовских бояр, ополячившихся и служивших проводниками латинства и полонизма.

Этот отдел отступников от своей веры и изменников своей народности составляет самобытное и видное собрание в музее. Она придает чисто местным коллекциям западных губерний исключительно польский характер, затемняет в глазах посетителей русский облик здешнего края и поддерживая в обществе заблуждения, проводит их путем наглядной, а потому и сильной пропаганды к убеждению масс и поколений учащейся молодежи.

К этому отделу относятся предметы, напоминающие Виленский университет¹, а также символ его ученого значения и вредно образовательного влияния на молодых людей, портреты и бюсты писателей, хоть из местных уроженцев, но всех послуживших польской идее. Если правительство создало необходимость закрытия Виленского университета как учреждения опасного для русского дела в здешнем крае, то, без всякого сомнения, и воспоминания об университете и его деятельности не должны занимать почетного места в Виленском древлехранилище и присутствием своим в нем возбуждать в ополяченной части общества постоянного сожаления об утрате золотых времен для шляхты и ксендзов. В минувшем году музей посещен был слишком 8000 лицами, как значится в годовом отчете, напечатанном в «Виленском вестнике»². Можно представить, какое впечатление, какое извращенное понятие о здешнем крае выносили отсюда массы посетителей и распространяли их повсюду с авторитетом и убеждением очевидцев.

¹ Виленский университет был основан в конце XVI в. как Академия и университет виленский общества Иисуса, в XVIII в. преобразован в Главную литовскую школу, а после присоединения литовских земель к России — в Главную виленскую школу. Вновь получил статус университета в 1803 г. Благодаря покровительству Александра I и деятельности попечителя Виленского учебного округа кн. Адама Чарторыйского стал крупнейшим университетом Европы и организационным центром польского революционного подполья («филоматов», «филаретов» и т. д.). Разгром последнего в 1823–1824 гг. не помешал активному участию студентов и преподавателей в восстании 1831 г., что привело к закрытию университета в 1832 г. Восстановлен Ю. Пилсудским в 1919 г. как Университет Стефана Батория, в нынешнем своем виде начал работу в 1944 г.

² «Виленский вестник» — официальная газета русской администрации Северо-Западного края. Его предшественником была польская газета «Kurier Litewski» (1796–1840, с 1833 г. выходила на русском и польском языках). С 1841 г. печатался под названием «Виленский вестник. Kurier Wilensky». Под редакцией А. Г. Киркора (1860–1864) стал ведущим печатным органом умеренных кругов польской интеллигенции, однако по распоряжению М. Н. Муравьева был передан в руки представителей виленского «кружка русификаторов».

3-й отдел включает в себе бюсты, портреты, автографы польских королей и некоторых польских магнатов, а также предметы, лично им и польским учреждениям принадлежавшие, как то: почетное оружие, знамена, стол Стефана Батория³, стол, на котором Станислав Август⁴ подписал свое отречение, сеймовая урна для баллотировки и пр.

4-й отдел русских православных предметов до крайности беден и исчезает в изобилии католических, польских и польско-литовских предметов. Очевидно, что собрание памятников русской неполяченной старины вовсе не входило в программу составления Виленского музея.

К 5-му отделу музея можно отнести предметы общие, как то ордена и знаки масонских лож различных стран, собрание оружия и некоторых предметов без всяких следов, кому и какому веку они принадлежали, вещи японские, китайские и древнеегипетские.

Ваше Высокопревосходительство изволили признать необходимым устранить из местного музея предметы 2-го и 3-го отделов. С устранением этих предметов Северо-Западный край и центр его Вильна будут избавлены от одного из важнейших орудий польской пропаганды. 5-й отдел, по мнению моему, не представляет никакой научной важности для местных исторических работ. За тем, остаются отделы 1-й языческий и 4-й русский православный.

Если бы весь остальной музей, за исключением 1-го и 4-го отдела был препровожден, напр[имер] в Оружейную палату или Румянцевский музей для желательного пополнения этих богатых древлехранилищ, — то залы Виленского музея послужили бы превосходным помещением для публичной библиотеки, при которой в витринах и шкафах могли бы быть выставлены предметы языческого периода и русской православной старины.

Председатель Комиссии для разбора музея И. Корнилов.

ЛГИА, ф, 439, ед. хр. 69, л. 1–1 об.

№ 2. А. Д. Столыпин — М. Н. Муравьеву

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Михаил Николаевич!

Я не осмелился бы утруждать Вас своим письмом, если бы этого не требовала польза общерусского дела в Западном крае: она касается преобразований, предпринимаемых в музее по приказанию вашего превосходительства.

В музее находится особая витрина предметов 1812 года. Такая витрина необходима для Виленского музея, потому что служит к прославлению величайшей эпохи в отечественной нашей истории; между тем, в таком виде, в каком она находится, ее не возможно оставить: в ней предметы исключительно одни французские. Чтобы она совершенно соответствовала своей цели, рядом с ней нужно поставить по крайней мере столько же предметов и русских из той же эпохи.

Виленский музей, имеющий для Западного края значение не только хранилища древностей, но и педагогическое, почел бы себя счастливым, если бы Вы, ваше

³ Стефан Баторий (1533–1586) — польский король (1575–1586), покровитель иезуитов и победитель Иоанна Грозного в Ливонской войне.

⁴ Станислав II Август Понятовский (1732–1798) — последний польский король, ставленник Екатерины II. Отрекся от престола после третьего раздела Речи Посполитой.

сиятельство, приняли на себя труд исходатайствовать для него у Государя Императора таковые предметы. Самый драгоценный из них был бы, конечно, принадлежавший Императору Александру I-му, будь то хоть пуговка или эполеты, или что-нибудь другое, а потом и предметы, напоминающие о его сподвижниках.

Я уже не говорю о том значении, до которого бы возвысился Виленский музей, если бы Государь Император был так милостив и повелел дать для него из своих богатых древлехранилищ хоть по одному предмету, напоминающему о каждом лице Царствующего дома: и пыль с сапог наших царей для Виленского музея была бы драгоценностью. Предметы эти находятся почти во всех наших музеумах и, конечно, служат к возбуждению патриотизма; но в Виленском музеуме они должны служить еще и к возбуждению сознания кровного родства Западного края с остальной Россией, и напоминанием о благодарности, которою он обязан за пользу, испытанную им от наших монархов.

С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства милостивого государя покорным слугой, Аркадий Столыпин.

Вильна. 27 марта 1865 г., его высокопревосходительству М. Н. Муравьеву.

ЛГИА, ф. 439, ед. хр. 69, л. 2–4.

№ 3. И. П. Корнилов — М. Н. Муравьеву

Милостивый государь, граф Михаил Николаевич!

Комиссия, учрежденная Вашим сиятельством для преобразований Виленского музея древностей и для пересмотра устава состоящей при музее *Временной* археологической комиссии, окончила свои работы относительно музея. Отчет о ее действиях и предположениях я представил вместе с сим преемнику Вашего сиятельства, генерал-адъютанту фон Кауфману и для выиграния времени препровождаю ныне же к нему с делопроизводителем комиссии коллежским асессором Рачинским⁵. Копия с отчета будет, вслед за сим, представлена мною Вашему сиятельству. Ныне же имею честь почтительнейше довести до сведения Вашего об окончательном заключении комиссии, которая полагает:

1. Все коллекции музея, а также собрание книг и рукописей присоединить к учреждаемой в Вильне, по распоряжению Вашего сиятельства, публичной библиотеке и подчинить их вполне и непосредственно начальнику Виленского учебного округа, которое обязано немедленно, по поручению на то разрешения, назначить чиновников своего ведомства для приема от графа Тышкевича и его сотрудников всех коллекций и книг и приведения их в точную известность, что оказывается решительно необходимым, потому что коллекции предметов и собрания книг найдены без должных описей и каталогов.

2. С присоединением музея и его собрания книг к публичной библиотеке, самые помещения музея переходят по принадлежности к Виленскому учебному округу. С тем вместе, 1000 р[ублей] с[еребром], отпускаемых ныне ежегодно

⁵ Рачинский Александр Викторович (1826–1877) — историк и публицист, в 1865–1867 гг. один из ближайших сотрудников И. П. Корнилова, делопроизводитель Комиссии по устройству Виленского музея древностей.

по смете Министерства народного просвещения в непосредственное распоряжение графа Тышкевича на содержание музея, должны поступить также в распоряжение учебного округа, на расходы.

3. Так как Временная археографическая комиссия под председательством графа Тышкевича, в продолжение своего 10-летнего существования не заявила себя никакими полезными для русской науки трудами и заботилась только о польской старине и об искажении или сокрытии исторической истины, — то дальнейшее существование Комиссии оказывается бесполезным тем более, что рядом с ней под представительством г. Бессонова⁶ существует правительственная Археографическая комиссия, которая в короткое время успела сделать для истории Западного края гораздо более, нежели комиссия графа Тышкевича.

На приведение сих мер в исполнение и на всеподданнейшее по оным ходатайство испрашиваю согласия Главного начальника края, а с тем вместе довожу о сем до сведения Вашего сиятельства, имею честь почтительнейше испрашивать милостивого содействия Вашего к осуществлению означенных предположений Комиссиею, ежели он вполне удостоится одобрения Вашего.

С чувствами глубочайшего к Вашему сиятельству уважения и отличнейшей преданности имею честь быть Вашим покорнейшим и преданнейшим слугою,

И. Корнилов.

27 мая 1865 г.,

г. Вильна.

ЛГИА, ф. 439, ед. хр. 69, л. 5–6 об.

№ 4. И. П. Корнилов — М. Н. Муравьеву

Милостивый государь, граф Михаил Николаевич.

Имею честь почтительнейше представить на милостивое благоусмотрение Вашего сиятельства копии с отношений моих к главному начальнику края генерал-адъютанту фон Кауфману: 1) об отлитографировании в достаточном числе, для гимназий и уездных училищ Виленского учебного округа учебников на русском языке по латинскому закону Божию: пространного и краткого Катехизиса, священной истории и церковной истории, 2) о преобразованиях в Виленском музее древностей и о бесполезности существования Временной археологической комиссии.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть Вашего сиятельства, покорнейшим и признательнейшим слугою. И. Корнилов.

29 мая 1865 г.,

г. Вильна.

ЛГИА, ф. 439, ед. хр. 69, л. 7.

⁶ Бессонов Петр Алексеевич (1828–1898) — филолог-славист, один из представителей «западнорусской» школы. В 1865 г. стал председателем Виленской археографической комиссии, директором Виленского реального училища и 1-й Виленской гимназии, однако не справился со своими обязанностями и в следующем году оставил Вильну, перейдя на должность директора библиотеки Московского университета.

**№ 5. Копия с отношения попечителя Виленского учебного округа,
26 мая 1865 года № 365, господину Виленскому, Ковенскому,
Гродненскому и Минскому генерал-губернатору
и главному начальнику Витебской и Могилевской губерний**

Виленский музей древностей и при нем Временная археологическая комиссия⁷, согласно проекту, высочайше утвержденному в 29 день апреля 1855 года, обязаны «посредством отобрания памятников старины и предметов, относящихся к истории Западного края России, доставить возможность к изучению оно́го». В Высочайшем рескрипте Государя Цесаревича на имя попечителя музея, графа Тышкевича, выражено, что учреждение сии «должны служить к вящему скреплению уз, соединяющих бывшие литовские губернии с общим отечеством Россиию».

Музей древностей заключает в себе не только местную, т. е. западнорусскую коллекцию, но и древности польские, скандинавские, египетские и пр. С тем вместе в нем помещаются коллекции монет, медалей и большие собрания, по разным отделам естественных наук. Там же находится отделение, впрочем, весьма незначительное и не исключительное в художественном отношении эстампов, масляных портретов, картин и изваяний польских мастеров. Сюжеты картин и изваяний почти исключительно польские. Наконец, в состав музея входит собрание книг и рукописей.

Усматривая, что значительная часть предметов, заключающихся в музее, совершенно противно Высочайше указанному ясному и прямому пониманию своему: способствовать исследованию Западно-Русской старины и содействовать нравственному скреплению западных пределов с общим нашим отечеством, — имеет крайне односторонний, латино-польский, пристрастный и, следовательно, вовсе не научный характер; что рассчитанное и умышленное размещение на видных местах латино-польских предметов и намеренное устранение русских памятников, наглядно убеждая легковерных женщин, недоучившихся воспитанников учебных заведений и других, недостаточно знакомых с местною историею, посетителей в той ложной мысли, что здешний край польский, а не русский, — служило вовсе не к успокоению умов, но к раздражению населения, увлекаемого латинскою пропагандою, — бывший главный начальник края, граф Михаил Николаевич Муравьев, признал необходимым отнять у музея его крайне опасное, противоправительственное направление и сделать из него, согласно высочайшей воле, полезное для России и науки учреждение. Находившуюся в музее группу, работы художника Сосновского⁸, изображающую соединение Литвы с Польшею⁹, особенно привлекавшую внимание толпы и сделавшеюся любимую для множества фотографий и снимков, граф приказал вывезти из Вильны. Затем, 27-го минувшего февраля, его

⁷ Речь идет о Виленской археологической комиссии Е. П. Тышкевича.

⁸ Сосновский Томаш-Оскар (1812–1886) — польский скульптор-классицист, участник антирусского восстания 1831 г., после которого обучался и жил в российской Варшаве (1833–1835, 1843–1846), а также в Берлине и Риме. Профессор скульптуры в римской Академии Св. Луки.

⁹ На знаменитой скульптуре Т.-О. Сосновского изображены великий князь литовский Ягайло и польская королева Ядвига, чей брак стал основанием для Крестовой унии 1385 г., положившей начало объединению Польши и Литвы в одно государство.

сиятельство учредил для пересмотра и преобразования музея особую комиссию, председательство в коей вверено мне.

Комиссии поручено было: привести в известность все предметы, находящиеся в музее; поставить на первом плане те из них, которые относятся к русской и русско-литовской народностям в здешнем крае; во второй разряд поместить предметы общенаучные; что же касается предметов, относящихся к польской народности, в особенности портретов польских королей и магнатов, временно властвовавших в здешней стране, а также статуй и других вещей и изображений, относящихся к польской истории, — то таковые собрать особо и разместить в отдельном зале, впредь до дальнейшего об оных распоряжения.

Наконец, комиссии поручено пересмотреть Положение о музее и, составив проект нового устава для сего учреждения, сообразный цели и назначению оного, представить таковой г. главному начальнику края.

Работы комиссии, учрежденной г. главным начальником края, во время двадцати трех заседаний ее, выяснили всю научную несостоятельность Виленского ученого учреждения, указав, что историческая истина намеренно и постоянно была приносима в жертву шляхетским и латино-польским тенденциям. Я уже заметил, что в связи с музеем древностей помещаются коллекции монет, медалей и естественных наук. Большая часть этих коллекций, принадлежавших бывшему университету, была сначала передана в Виленскую гимназию, и затем, с учреждением музея, поступила в полное заведывание графа Тышкевича и ученых его сотрудников. Собственно в археологическом и художественном, а частью в естественных отделах и библиотеке, — находятся принесенные дворянством и латинским духовенством в дар собрания: гербов, печатей, надгробников, вооружения крестоносцев и польско-литовского, портретов польских королей и магнатов, памятников их государственной и домашней жизни, воспоминаний упраздненного университета и его деятелей, а также общества виленских «шубравцев»¹⁰, враждебно относившихся к общему отечеству — России; наконец, памятников о польских писателях, о деятельности латинской пропаганды и унии, о польских восстаниях и людях, принимавших в них участие. Не лишнее заметить, что даже коллекции естественных наук дали возможность бывшему учителю Дворянского института¹¹ и члену-сотруднику Археологической комиссии, Пржибыльскому¹² собирать около них учеников гимназии для политической пропаганды. Пржибыльский, переведенный по политической неблагонадежности из Виленской в Вологодскую гимназию, бежал в Варшаву, где, скрываясь во время мятежа, был министром прессы, оттуда потом скрылся за границу и заочно осужден на смертную казнь.

Комиссия, учрежденная для пересмотра и преобразования музея, по ходу своих работ поставлена была в необходимость ознакомиться с предшествовав-

¹⁰ Шубравцы (от польск. *szubrawiec* — бездельник) — литературное общество польской интеллигенции в Вильне.

¹¹ Виленский дворянский институт был образован в 1838 г. из 2-й Виленской гимназии, расположенной в здании упраздненного университета. Преподавание велось на польском языке. Был закрыт И. П. Корниловым.

¹² Пшибыльский (Przybylski) Вацлав (1828–1872) — выпускник Санкт-Петербургского университета, польский педагог, публицист, драматург и революционер. После подавления мятежа 1863 г. представлял польских революционеров в Париже, затем перебрался в Стамбул.

шей деятельностью Временной Археологической комиссии. При этом оказалось, что на основании п. 7 программы, утвержденной в Министерстве народного просвещения в феврале 1856 года, Археологическая комиссия обязана печатать труды свои по-русски и по-польски, а по п. 8-му рукописи издавать на том языке, на каком они писаны; между тем она передала большое собрание рукописей музеума для обработки профессору Даниловичу¹³, и составленный им сборник, состоящий из перечня в латино-польском направлении вверенных ему документов, под названием «Скарбец»¹⁴, напечатан другим сотрудником графа Тышкевича, Киркором¹⁵, в 1860 и 1862 г. в Вильне на <нрзб.> польском языке. Характер, который учредители желали придать музеуму, кроме искусственного размещения в нем польско-литовских памятников на первом плане, выясняется из имеющегося польского письма Киркора к графу Тышкевичу, хранящегося в музее при портрете Витольда¹⁶: «Ясновельможный граф добродей! Позволь, ясновельможный добродей, в день твоих именин, выразить мое искреннейшее желание, чтобы Всевышний Творец сохранил нам тебя для пользы края, на многие лета, дабы все твои благие и столь полезные для поляков предприятия были приведены в исполнение. В дар творцу музеума Литовского могу ли найти предмет более приличный, как портрет знаменитейшего из наших князей Витольда?... все мои познания и слабые способности, все что имею из предметов древности, все рад я сложить в офяру на алтарь славы Народовой, которой ты, граф, посвятил всю жизнь твою». О какой именно народной славе идет речь, можно гадать по характеру, какой распорядители умели придать музею.

На основании Высочайше утвержденного положения (ст. 2, п. «г») определено собирать в музей предметы древности, относящиеся к учреждениям р[имско]-католическим в крае; о собирании же православных древностей хотя не упомянуто в Положении, — но этого нельзя было не подразумевать по самой цели учреждения музея и комиссии: быть ученым органом для изучения истории края. Между тем, учредители, увлекаясь польскою исключительностию, не обращали ни малейшего внимания ни на собирание памятников православной старины, и не выставляли на видные места те русские предметы, которые в малом числе имеются в музее. Так, например, собрание медальонов, изображающих сподвижников императора Александра I в 1812 г., найдено запрятанным в отдаленном ящике шкафа, а меда-

¹³ Данилович Игнатий Николаевич (1788–1843) — русско-польский историк и правовед, профессор Виленского, Харьковского, Киевского и Московского университетов. Публикатор Супрасльской летописи и ряда памятников польской и литовско-русской юридической старины.

¹⁴ Собранный И. Даниловичем двухтомник “Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów ...” («Сокровищница грамот папских, цесарских, королевских, княжеских; народных решений, постановлений властей и министерств с критическим объяснением истории Литвы, Руси Литовской и соседних стран») вышел в 1860 и 1862 гг. в типографии А. Г. Киркора под редакцией Яна Сидоровича.

¹⁵ Киркор Адам Гонорий (1818–1886) — русско-польский просветитель, литератор, издатель и краевед. Был последовательным сторонником русско-польского примирения, в своих воззрениях во многом сходился с программой консервативно-аристократической газеты «Весть», за что подвергался критике публицистов и деятелей «русского направления». В свою очередь, польская эмиграция видела в Киркоре изменника национальному делу.

¹⁶ Витовт (1350–1430) — великий князь литовский, один из руководителей объединенного польско-литовско-русского войска во время битвы при Грюнвальде (1410). Наряду с другими выдающимися литовско-русскими князьями изображен на монументе «Тысячелетие России».

льоны и даже самые мельчайшие памятники наполеоновских генералов помещены на виду, в особой витрине. Превозносятся постоянно, даже в официальных изданиях своих, сотрудников латино-польских и приношения их, они очень неблагоприятно относились к сотрудничеству православных деятелей. Через месяц после открытия музея и действий комиссии, на втором ее заседании было решено: «отнюдь не избирать в члены комиссии из православного духовенства лиц, *не имеющих на то разрешения своего начальства*». Постановление это в печатном издании «Записок Комиссии»¹⁷ пропущено. В протокол не внесено даже прекрасное письмо митрополита Иосифа¹⁸, принесшего музею в дар первопечатный экземпляр Литовского Статута¹⁹ на русском языке, когда ксендзу Малышевскому объявляется признательность за незначительный дар <нрзб.> супрасьского издания или мариампольскому лесничему Полуянскому за принесение «описания лесов Царства Польского и Западных губерний».

Предмет особой гордости учредителей — археологическая коллекция Музея, — отмечается отсутствием положительных свидетельств об исторической достоверности и принадлежности известным лицам и времени предметов; не имеющим полных и верных инвентарей и описаний и преднамеренною неверностью наименований некоторых предметов. Так, например: зрительная труба, значащиеся в каталоге принадлежащую Косцюшке²⁰, — оказалась новейшего устройства; барельеф с двуглавым орлом и изображением Георгия Победоносца, показан в каталоге «барельеф с изображением соединенных гербов Польши и Литвы». Этот барельеф был вделан в стену над портретом Государя Наследника. Составитель печатного и распространенного в ученых обществах каталога и хранитель археологического отдела, Киркор, оправдывал неверность показаний ошибкою и торопливостью его составления к приезду Государя Императора; а попечитель музея граф Тышкевич объясняет это необходимостью придать коллекции рельефность. Библиотека, до 14000 томов, не имеет ни инвентаря, ни систематического каталога, так что трудно поверить: находится ли она вся в целости; неполный каталог расположен исключительно на карточках, которых, — кроме представленных комиссии, состоявшей под моим председательством, хранителем этого отдела Круповичем, — найдено чинами комиссии случайно и вероятно много еще находится разбросанными по всем углам библиотеки.

Все сказанное достаточно свидетельствует, что музей в том виде и порядке, в каком существовал по сие время, по неполноте и неверному определению предметов, а также по своему явно тенденциозному направлению не заслуживает названия ученого учреждения.

¹⁷ За все время существования Виленской археологической комиссии вышел только один том ее «Записок»: Записки Виленской археологической комиссии. *Pamiętniki Komisji archeologicznej wileńskiej*: Ч. 1. Wilno, 1856.

¹⁸ Иосиф (в миру Иосиф Иосифович Семашко) (1798–1868) — митрополит Литовский и Виленский, последовательный русофил и борец с униатством.

¹⁹ Статут Великого княжества Литовского — средневековый кодекс Гедиминовичей, написанный на западнорусском языке и действовавший на протяжении нескольких столетий. В первой редакции был принят в 1529 г.

²⁰ Костюшко Анджей Тадеуш (1746–1817) — польский национальный герой, руководитель антирусского восстания 1794 г., участник Войны за независимость США.

Медленность и видимая неохота доставлять комиссии, учрежденной генерал-губернатором, описи музея, в числе коих важнейшая; инвентарь, составленный по-польски и носящий название «Спис офяр», открыт членами из рассмотрения протоколов заседания Археологической комиссии, — убедили в недоброжелательности существующей при музее администрации; а обнаруженные недостатки устройства музея свидетельствуют о ненадежности и непростительной небрежности хранителей ее отделов. Беспорядочное и не строго научное состояние музея указывает на необходимость коренного его преобразования, а с тем вместе и пересмотра устава музея и состоящей при нем Временной Археологической комиссии. Отказ попечителя музея, графа Тышкевича, участвовать в дальнейших заседаниях комиссии, требует немедленного принятия мер к сохранению в целости коллекций музея, как собственности государственной, коей граф был доселе единственным хранителем, и которые ныне остаются на руках у людей, не внушающих доверия.

Прихожу к мерам, которые, по мнению комиссии и по моему убеждению, необходимы для восстановления за учреждением, удостоенным высочайшего утверждения и покровительства, подобающего ему значения и достоинства:

1-е, принять библиотеку и все отделы коллекций Виленского музея в непосредственное ведение Виленского учебного округа, с тем, что мною немедленно будут назначены чиновники учебного ведомства для составления подробных описей и приема предметов от лиц, заведывающих ныне музеем.

2-е, по принятии музея и входящей в состав его библиотеки, присоединить их к учреждаемой в Вильне Публичной библиотеке при которой коллекции музеума: археологическая, нумизматическая и наук естественных составят дополнительные его отделы.

3-е, для публичной библиотеки определить настоящее помещение музея, находящееся в здании гимназии, принадлежащее учебному округу и временно уступленное Временной Археологической комиссии. При сем, занимаемое ныне под Публичную библиотеку помещение в здании женской гимназии, также принадлежащее учебному округу, останется складочным местом для разбора и описи поступающих в библиотеку книги и для хранения дублетов.

4-е, из уважения к ученым учреждениям и лицам, с коими Виленской музей входил в сношения, предать печатной гласности то положение, в котором Комиссия нашла его коллекции, избрав для сего «Виленский вестник» и «Ведомости» обеих столиц²¹.

Если Ваше высокопревосходительство изволите одобрить предложение Комиссии и мое об обращении Виленского музея в исключительно правительственное учреждение с присоединением всех его отделов и собрания книг и рукописей к Виленской публичной библиотеке, подчиненной учебному округу, — то я полагаю бы войти с своей стороны в сношение с г. управляющим Министерством народного просвещения о всеподданнейшем исходатайствовании Высочайшего соизволения как на означенную меру, так и на передачу в ведение учебного округа 1000 руб[лей] сер[ебром], которые ныне, по смете Министерства народного про-

²¹ Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков активно поддерживал русификаторскую деятельность М. Н. Муравьева и до определенного момента лично И. П. Корнилова. Более либеральные «Санкт-Петербургские ведомости» разделяли тогда это сочувствие.

свещения, ассигнуются ежегодно из Государственного казначейства, на содержание Виленского музея древностей и поступают в непосредственное распоряжение графа Тышкевича.

С передачею музея и библиотеки в исключительное заведывание учебного округа существование Временной археологической комиссии будет, по мнению моему, совершенно бесполезным, по следующим причинам:

- а) нельзя ожидать, чтобы члены этой комиссии, по преимуществу из местного дворянства и латинского духовенства, продолжили оказывать правительственному музею поддержку и содействие, какие давали они ему до сих пор потому собственно, что музей находился в полном их распоряжении и служил их интересам.
- б) ученая деятельность Временной археологической комиссии, за все время 10-летнего своего существования и несмотря на благоприятные и побудительные к этой деятельности условия, была весьма незначительна и ограничилась изданием двух книг трудов, да еще односторонним, в латино-польском направлении, перечнем рукописей музея («Скарбец» Даниловича). Есть основания полагать, что с передачею музея и библиотеки в учебный округ ученая деятельность Временной археологической комиссии будет еще ничтожнее.
- в) так как с минувшего года высочайше утверждена в Вильне особая правительственная Комиссия для разбора и издания древних актов, весьма деятельно трудящаяся под управлением известного археолога и археографа г. Бессонова, то одновременное существование в Вильне двух Комиссий: правительственной и общественной, имеющих одно и то же ученое назначение, — оказывается излишним.

По всем изложенным причинам я полагаю, что Временная Археологическая комиссия — не только не оправдавшая ожиданий правительства, но даже злоупотребившая его доверием и избравшая археологию и археографию не как цель, а как средство или предлог для посторонних, вовсе не научных видов, — может быть упразднена без всякого сожаления и вреда для науки. Правительственной же комиссии для разбора и издания древних актов можно предоставить, по примеру Археографической комиссии в С[анкт]-Петербурге²² и губернских статистических комитетов²³, право избирать почетных и действительных членов и чинов сотрудников и соревнователей.

²² Археографическая комиссия в Петербурге была создана при Министерстве народного просвещения (1834 г.) для издания источников, собранных Археографической экспедицией Академии наук под руководством П. М. Строева. Согласно утвержденному государем уставу, имела право требовать передачи себе документов и рукописей из архивов и библиотек, выкупать их у частных лиц. Издавала многочисленные собрания источников по русской истории, в том числе (с 1841 г.) «Полное собрание русских летописей».

²³ Губернские и областные статистические комитеты были созданы в 1834 г. Занимались сбором статистико-экономических данных. В их состав входили не только постоянные должностные лица, но и члены-корреспонденты: уездные предводители дворянства, краеведы и общественные деятели.

Если Ваше высокопревосходительство изволите одобрить и эти предположения, то Комиссия для преобразования Виленского музея древностей почтет долгом представить на Ваше усмотрение свое по этому делу соображение.

При сем имею честь приложить: а) список предметам, отделенным комиссиею в особое помещение впредь до особого о них распоряжения, и б) копию протоколов двадцати трех заседаний Комиссии, ожидая затем, для продолжения порученных работ, указаний Вашего высокопревосходительства и разрешения настоящего моего представления.

С подписанным верно: И. Корнилов.

ЛГИА, ф. 439, ед. хр. 69, л. 11–17.